

19 апреля, среда, 23.10

 Хорошие предчувствия появились у меня сразу же, едва я вышел из автобуса. От остановки до дома идти недалеко — минут десять-пятнадцать. Но делать это обычно приходится в крошечной темноте — фонарей на улице никто и никогда работающими не видел. Они там есть — хорошие такие фонари, о двух светильниках, в прошлом году установленные, красивые очень, только не работают. Мишка Серостин — тоже журналист и (по веянию души) член какой-то шибко суровой политической партии — называет эти фонари «двухместными». Освещения от этого больше не становится, говорит он, зато экономия места — по два человека на каждый фонарь... Ну, это он так — в сногшибательную перспективу смотрит. В смысле, если их партия когда-нибудь с дури придет к власти.

Одним словом, я привык возвращаться домой впотьмах, угадывая дорогу по редким светящимся окнам домов, и никогда никаких неприятностей со мной не происходило. Асфальт здесь на удивление ровный, без обязательных для нашего квартала колдобин и рытвин. Да и местное население в эту пору

обычно сидит по домам и смотрит телевизор. Район, в котором я живу, тихий — окраина как-никак. Даже подрастающее поколение то ли ведет себя на удивление прилично, то ли просто избрало для своих утех иное место. Что, кстати, вполне объяснимо — в центре города развлечений побольше, не то что здесь. Спальный район у нас, короче говоря. И меня это вполне устраивает. Потому что появляюсь я дома лишь в те редкие дни, когда возникает необходимость выспаться или немного отдохнуть. И любое изменение привычного порядка и сонной тишины родного квартала невольно воспринимается мною как досадная помеха. Именно так я и подумал, когда увидел на дороге ментов, оцепивших два ярко горящих автомобиля.

То есть это я, конечно, не прав, это я погорячился. Не ярко, а просто горящих. Здесь у меня сказалась профессиональная привычка — впарить читателю газеты как можно более зрелищную словесную конструкцию. Не ярко они горели, те автомобили. Да и не горели вообще уже — так, догорали, чадя слабыми струйками вонючего дыма. И хотя эта грустная сцена наблюдалась всего в ста метрах от моего дома, ничего интересного в ней не было. Ну, ДТП. Ну, горят, сгорели уже почти... Пьяные водители, лобовое столкновение на высокой скорости... Фигня, короче.

Но мои профессиональные привычки проявляются всегда некстати. И наиболее часто одна из них — самая неприятная и самая живучая. А именно — лезть во все дыры. И наипаче всего туда, куда нормальному и здравомыслящему человеку лезть вообще не следует. Поэтому я мигом оказался меж сует-

тящихся ребят в милицейской форме, попытался сунуться поближе к горящим автомобилям, за что и был от души обозван мудаком. После чего имел весьма непродолжительную и малоцензурную беседу с каким-то майором, перед носом которого я слегка помахал своим журналистским удостоверением. Майор в ответ помахал своим — милицейским, — и я, не найдя более веского аргумента, развернулся и пошел домой.

Впрочем, узнать, в чем там дело, мне все равно не удалось бы — представители правопорядка молчали, словно партизаны на допросе в гестапо. А фотки горящих автомобилей — это сегодня не такая уж большая редкость, их можно раздобыть где-нибудь и в другом месте. Если, конечно, понадобится... Но я уже знал, что не понадобится. Потому что фотографии могли служить лишь сопроводительным материалом к статье, а статьи, естественно, никакой не будет... Не хватало мне еще о ДТП писать, хватит с меня и моего раздела. И так уже навесили на мою шею эту идиотскую статью об идиотском водопроводе, раскуроченном какими-то идиотскими идиотами. Покопался я в том деле и сразу же понял, что никакое оно не дело, а полнейшая фигня. Идейки, как обычно, есть, но проверить их соответствие действительности не хватает времени. Тоже, как обычно. Два дня всего-то у меня было — чего ж вы хотите-то?!

А если я завтра еще притащусь в редакцию с инфой об этой аварии — как пить дать, еще одну идиотскую статью на меня навесят. Об идиотском столкновении двух идиотов-автолюбителей... тьфу! Что-то меня клинит сегодня не по-детски... надо что-то де-

лать, как-то выходить из ступора надо. А эту аварию — на фиг, на фиг... У меня свой раздел — культура... точнее, то, что у нас таковой именуется. Не менее идиотский раздел, смею заметить...

И вообще — ну скажите на милость, чего я потерял возле этих самых автомобилей?! Ну, столкнулись — и что?! Наверняка ведь большая часть городских газет даже не придаст значения такому малооригинальному факту, как дорожная катастрофа. А я кинулся, начал выпрашивать... Все ищу, где жареным пахнет... А зачем? Писать статьи, которые потом будут напечатаны на бумаге, повсеместно используемой в клозетах квартир, населенных малообеспеченной частью населения?..

Поглощенный этими философскими мыслями, я вошел в подъезд. Где мое философское настроение стало гораздо более расплывчатым и, скорее, приземленным. И поднимаясь к себе на второй этаж, я, в который уже раз, ругнул всех, кого только мог вспомнить, потому что свет на лестничной площадке опять не горел. По правде сказать, он тут НИКОГДА не горел. Видимо, светильник в подъезде приходился дальним родственником фонарям, расположенным на улице. Привычки, во всяком случае, у них были одинаковые.

Пару раз я по наивности самостоятельно вкручивал в подъезде новые лампочки, которые аккуратно исчезали, стоило мне хотя бы на миг отвернуться. Так что это бесполезное и расточительное занятие я в конце концов оставил и обзавелся маленьким фонариком — умнее носить лампочку с собой, чем каждый раз дарить ее более предприимчивым соседям.

Но нынче мне положительно не везло. Потому что, достав фонарик, я тут же вспомнил, что батарейки из него уже были использованы для фотоаппарата. «Нет, сегодня явно не мой день, — горестно подумал я. — Все нормальные журналисты всегда носят с собой запасной комплект! А я? А я, наверное, ненормальный журналист...»

Нет, правда! Таскаться с пленочной (а не цифровой) мыльницей, да еще и с древним кассетным диктофоном в придачу — нормальный журналист от стыда повесился бы...

Батарейки, конечно же, остались. И в фотоаппарате, и в диктофоне. Но не начинать же сейчас, в кромешной темноте, копать в сумке для того, чтобы их найти! Там столько разного барахла, что обязательно что-нибудь уронишь. Ищи потом... Так что придется идти к своей двери на ощупь, держась руками за стену, чтобы не загреметь на пол...

Но и это меня не спасло — проделав всего три-четыре шага, я обо что-то споткнулся и упал.

То, обо что я споткнулся, оказалось чьими-то ногами. А сам их владелец, естественно, лежал тут же, и на него-то я и свалился. Владелец что-то неразборчиво простонал в ответ на столь бесцеремонное с ним обращение. Я кое-как поднялся, поправил свою сумку, слетевшую с плеча, обозвал незнакомца пьяной рванью (или рваной пьянью? — не помню), кое-как совладал с замком и вошел в квартиру. От души шарахнув дверью, я сразу же прошел в ванную комнату и зажег свет. После темноты подъезда свет показался мне чересчур ярким, и я невольно зажмурился.

★

А когда глаза уже немного привыкли к освещению, я понял, что руки у меня в крови.

Я неподвижно торчал в ванной комнате, тупо смотрел на перемазанные ладони, и в голове моей в этот момент была одна-единственная мысль: «Ну, вот!..» Мне вдруг вспомнилось, что еще на лестничной площадке я вроде бы почувствовал на своих пальцах что-то влажное и липкое, но тогда просто не осмелился дать волю фантазии. Мало ли во что можно вляпаться, свалившись на пьянчугу? А сейчас, включив свет и увидев на руках кровь, я совершенно растерялся.

Первой моей дельной мыслью было: как бы не перемазать кожаную куртку. Что поделаешь — мне не часто приходилось иметь дело с кровью. А точнее сказать — никогда не приходилось. Хрен знает, отмоется ли она потом?

«Наверное, этот мужик расшиб себе нос, — подумал я. — Шел пьяный, споткнулся в темноте, упал, потерял сознание... очнулся — гипс...» Я попытался припомнить, но мне показалось, что запаха спиртного я не почувствовал.

Глупости! Наверняка пьяный. Не станет же трезвый человек падать на лестничной площадке перед чужой дверью и расшибать себе морду. И, кстати, как раз этажом выше живет один любитель подобных острых ощущений. А то, что перегара не почувствовалось, еще ни о чем не говорит — обнюхивал я его, что ли?! Не обратил внимания просто, вот и все...

Успокоив себя этой мыслью, я открыл воду и тщательно вымыл руки. Пришлось воспользоваться старой зубной щеткой — кто бы мог подумать, что кровь

так тяжело отмывать, особенно из-под ногтей. «Никогда больше не буду мазаться кровью», — подумал я, с остервенением скребя по пальцам жесткой щетиной. Не люблю я крови, всю жизнь стараюсь избегать близких контактов с этим видом жидкости. Даже когда готовлю, например, что-то мясное (что бывает крайне редко), каждую минуту руки ополаскиваю. А тут — вляпался по полной программе, по самые уши, можно сказать. Или по локти...

Сумка, продолжавшая все это время висеть на моем плече, вела себя очень агрессивно и пыталась свалиться то в раковину, то на пол, что спокойствия отнюдь не прибавляло. Но мне удалось кое-как справиться с ней и придать своим рукам нормальный вид. Потом я намочил носовой платок и оттер от крови выключатель в ванной. Затем повесил сумку на вешалку, и только потом стащил с себя куртку.

Возле правого кармана темноло очень неприятное на вид пятно. Настроение сделалось еще мрачнее. «Это когда за ключами лазил, — подумал я. — Не заметил, как мазанул... Кстати, и ключи, и брелок тоже придется отмывать. И дверную ручку...»

Все то время, пока я пытался оттереть пятна с куртки и разбирался с ключами, в голове моей вертелась одна мысль — нужно ли выходить и проверять, как там этот мужик? Честно говоря, мне не очень-то хотелось. Но в конце концов я подумал, что проведать его все-таки надо. Может, он и бомж, пьяный вдрызг, но все равно жалко. К тому же наверняка ведь и ручка с внешней стороны двери теперь перемазана кровью. И ее тоже надо бы оттереть. Так что,

★ — раз уж все равно придется вылезать из квартиры, можно заодно и посмотреть на него — вдруг «Скорую» вызвать надо?

Правда, до того момента, как я принял окончательное решение и выглянул на площадку, прошло уже около получаса. Но мужик все еще лежал там (а куда ж ему было деваться-то?!), на правом боку, в полуметре от двери. Свет из прихожей падал на его фигуру, но голова человека была обращена ко мне затылком, и лица было не разглядеть. Левая рука его была бессильно закинута за спину, и на среднем пальце тускло блестела тоненькая полоска золотого кольца. А может, и не золотого — откуда у бомжа золотое кольцо?! Хотя... Если судить по прическе, он не так уж сильно похож на забуддыгу. И костюм на нем хороший, дорогой. Туфли, кажется, из натуральной кожи... Наверное, где-то что-то отмечал, вот и не рассчитал своих сил. Ничего, район у нас тихий и ленивый, не ограбят. Полежит немного, очухается, домой пойдет. Сейчас не холодно, не замерзнет.

Стараясь не смотреть в его сторону, я тщательно вытер дверную ручку и уже собирался было вернуться в квартиру, когда человек подал признаки жизни. Вначале он слабо застонал, затем с трудом перевернулся на спину, приподнял голову и тихо произнес:

— Помогите... Пожалуйста...

Я хмуро глянул на него. Этого еще не хватало! Возиться с пьяным, расквасившим себе морду...

До меня вдруг дошло, что на лице этого человека нет следов крови. Зато вся левая сторона его пиджака из светло-коричневой сделалась бурой.

— Помогите... — повторил человек.

Я посмотрел ему в глаза — серые, бесцветные, словно у снулой рыбы — и шагнул на лестничную площадку.

ГЛАВА 2

20 апреля, четверг, 00.30

Главный редактор газеты «Виденские новости», в которой я работаю, любит повторять, что однажды со мной случится что-нибудь серьезное. В том смысле, что я на свою голову (ну, или на какое другое место) постоянно ищу приключений. Такое мнение у Татьяны (и почему у меня главными редакторами всегда оказываются женщины?!) возникло и утвердилось после того, как я собирал материалы об одном подпольном казино, где приторговывали наркотиками. Как обычно, я схватился не за свою тему и (как обычно же) оказался по уши в дерьме. Задание было не из самых легких, и нужно было в том притоне выглядеть «своим». Кто же знал, что мне так крупно повезет в карты?! Я же не собирался там выигрывать! Честное слово, не собирался! Но когда у меня в руках неожиданно оказалась сумма, приблизительно равная зарплате журналиста лет за пять, я понял, что журналистика — не самое главное в этой жизни. Оперативники, которые, как назло, именно в этот день решили накрыть данное гнездо порока и поймали меня вылезавшим из окна в туалете, придерживались того же мнения. Они решили, что я так же похож на журналиста, как и упомянутый уже притон на институт благородных девиц. И Таня была вынуж-

дена битых три часа доказывать им, что «этот раздолбай» — ее подчиненный и что он проводил тут журналистское расследование, а вовсе не спасал кассу заведения. Убедить оперативников было сложно (то ли они не договорились о чем-то с владельцем казино, то ли я стал участником эпизода передела собственности). Таня потом меня чуть не убила. Хорошо помню, как госпожа редактор орала, что если я еще хоть раз вляпаюсь во что-либо подобное...

Я не стал с ней спорить или оправдываться. Ни в тот раз, ни позже, когда я опять попадал в переделки. Я вообще считаю, что спорить с женщиной — глупо. Тем паче если женщина является твоим шефом. Вляпаюсь, значит, вляпаюсь — о чем тут говорить-то?! Интересно, во что же я вляпался на этот раз? Эта мысль была для меня на данный момент наиболее актуальной. Потому что я как раз втаскивал человека с лестничной площадки в свою квартиру.

Незнакомец был не особенно тяжелым, и, хотя порой тихонько и постанывал от боли, но честно пытался облегчить мне задачу по его спасению. Левая рука его безжизненно волочилась по полу, а в правую вцепился я, но человек делал героические усилия, отталкиваясь ногами от пола, чтобы мне не так тяжело было тащить. Впрочем, особого облегчения от его стараний я не почувствовал. Ни физического, ни морального.

Оказавшись в прихожей, я на минутку задумался, а не положить ли раненого (в том, что незнакомец ранен, не было уже никакого сомнения) на диван? Но потом рассудил, что не стоит. Это в кино хорошо — нашел на улице раненого, тащишь его к себе в квар-

тиру, а то и на своей машине везешь, укладываешь на кровать, раздираешь на полосы постельное белье... Ну, и так далее.

В кино это выглядит вполне приемлемо. Еще бы! Не за свои же деньги актер весь реквизит покупает! А в жизни? Многие ли из нас решились бы на подобное, а? Вот то-то и оно.

Усадить в свою машину неизвестного придурка, истекающего кровью (на смерть погубив чехлы!), привезти его в свой дом (испоганив кровью все дорожки или даже ковер!), уложить на постель или на диван (с ума можно сойти!!! Придется же менять мебель!!!) — кто из нас отважится на такой подвиг? Поэтому я и решил, что гораздо выгоднее выглядеть жестоким и черствым, чем самому оказаться благородным придурком...

Да, разумеется. Это нехорошо и негуманно. Не пристало раненому человеку лежать на полу в прихожей. А оставь я его на лестнице — лучше было бы, а? Достаточно и того, что я позволил незнакомцу оказаться в своей квартире. Да еще и сам тащил его сюда. Вон, весь пол в прихожей — словно кто курицу резал... На диван его теперь, что ли?! Ага, хрен там! Я диванами не торгую, он у меня один-единственный, а запачкаю кровью — в жизни потом себе новый не куплю. Не олигарх я, и даже давно уже не бизнесмен. Я простой журналист, и на мои гонорары не очень-то развернешься. Так что, накрутив себя этими доводами и несколько успокоив совесть, я усадил человека на пол и прислонил его спиной к стене.

— Спасибо... — слабо выдохнул человек, несмотря

на такое, несколько пренебрежительное, к нему отношение. И вдруг неожиданно произнес: — Тейкан.

— Чего? — переспросил я. Слово показалось мне каким-то необычным, как будто даже иностранным.

— Имя... — пояснил раненый. — Мое... Тейкан...

— Очень приятно, — не совсем впопад буркнул я и принялся стаскивать с него пиджак. Имя его мне очень не понравилось. Странное какое-то. Да и вообще вся эта ситуация нравилась мне все меньше и меньше. «Интересно, чем это его так», — подумал я, разглядывая снятый с гостя пиджак.

Было похоже, что в этого человека шарахнули из миномета, не иначе. Причем в упор, и не один раз...

На левом борту пиджака была такая дырка, что кулак просунуть можно. И на рубашке тоже. Вся одежда буквально пропиталась кровью. Меня аж передернуло, когда я снимал с раненого рубашку. И второй раз я содрогнулся, когда увидел его рану.

Я слабо разбираюсь в медицине, но по моему скромному мнению это было не пулевое ранение. На левой стороне груди виднелась жуткого вида рана, края которой имели неприятный и страшноватый черный цвет.

— В тебя стреляли? — задал я вопрос, который сам тут же и определил как глупый. По правде сказать, я никогда не видел пулевых ранений, но разорванная чуть ли не в лохмотья грудь ночного гостя мало соответствовала даже моим представлениям о них.

Однако раненый совершенно неожиданно для меня утвердительно кивнул и слабо улыбнулся:

— Промахнулись... твари...

Я поджал губы. Ничего себе — «промахнулись!»
Вся его грудь — одна сплошная дырень!

Я выпрямился и встал. Мне вдруг показалось, что тут что-то не так. Ведь с левой стороны у человека сердце. А судя по ране, от этого сердца должно было остаться... ничего не должно было остаться! Да и странно вообще, как он жив еще — с такой-то раной?! И кровищи вон сколько вытекло!

Я тупо посмотрел на свои ладони, которые опять оказались перемазанными кровью. «Руки надо помыть», — отрешенно подумал я и глянул на раненого. Тот сидел, закрыв глаза, дыхание его было тяжелым.

Я прошел в ванную и снова тщательно вымыл руки, повторив все знакомые уже мне операции с выдиранием щеткой крови из-под ногтей. Все это я делал чисто механически, стараясь собраться с мыслями и решить, как же поступить дальше. Даже моя извечная «кровавая идиосинкразия» куда-то пропала, я сейчас просто мыл руки, не содрогаясь от отвращения. И что-то еще в душе появилось, какие-то благополучно похороненные на много-много лет ощущения; желание разрулить ситуацию любой ценой для окружающих; твердая уверенность в том, что я это сумею сделать. Но ощущения эти я мгновенно загнал обратно — туда, где они и были раньше, где им самое место, — и принялся размышлять на тему истекающего кровью мужика в прихожей. Это сейчас актуальнее, что там ни говори. И сейчас мне и правда нужно совершить какие-то телодвижения. Ведь я не врач и придется вызывать «Скорую». Здесь нужна помощь специалистов. Осталось что-нибудь от его сердца или нет — я ему ничем помочь не могу. Докто-

ра нужны. Со шприцами, тампонами, клизмами... и чем там еще?.. А то отдаст он концы прямо тут же, в моей квартире, ночью... Объясняй потом в ментовке — кто такой, откуда взялся...

М-м-мать твою так!!! А ведь и верно. При такой дырке в груди этому типу долго не протянуть. Вот зар-р-раза!!! Ну, так и есть! Влип я, точно! Загнется он в моей прихожей, а назавтра выяснится, что это, оказывается, какой-нибудь депутат и у него с собой должны были быть какие-то важные документы... которые пропали... Хотя нет, депутатов я видел, лицо этого мужика никого мне не напоминает. Ну, не обязательно депутат, кто-нибудь покруче, кто-нибудь из теневых воротил...

Я живо представил себе, как через пару дней ко мне в дом заявляются квадратноголовые бритые ребята на предмет выяснения того, куда конкретно подевалась, например, типа партия наркотиков или денег, которые вез им померший в этой вот самой квартире курьер...

Пока я медленно холодел ото всех этих некстати нагрянувших мыслей, на лестничной площадке слышались осторожные шаркающие шаги. Я и не обратил бы на них внимания, если б в этот момент не закрыл уже воду, и если бы не планировка моей однокомнатной квартиры — ванная комната находится совсем рядом со входной дверью. К тому же только вчера я снял пластиковую облицовку с внутренней стороны двери — Колька, сосед, зараза криворукая, заходил попросить молоток. А уходя, случайно зацепил по облицовке. Дырка получилась небольшая, но очень уж раздражающая. И я сдуру отважился по-

смотреть, нельзя ли как-нибудь приклеить обратно этот кусочек? Поэтому сейчас внутренняя часть входной двери являла собой жалкое зрелище обнаженного металла, абсолютно неспособного выполнять свои звукоизолирующие функции. А нервы у меня были уже и без того напряжены до предела, и потому, когда шаги вдруг затихли, я едва не выронил из рук полотенце.

Я посмотрел на человека, сидевшего на полу. Лицо его сделалось сосредоточенным, губы были плотно сжаты. Правой рукой он подтянул к себе окровавленный пиджак и теперь что-то торопливо искал во внутренних карманах, стараясь при этом не шуметь.

В дверь позвонили. Я вздрогнул, оглянулся на дверь (у меня некстати мелькнула мысль подойти и посмотреть в глазок), и снова перевел взгляд на сидевшего на полу. Раненый, пристально глядя прямо мне в глаза, отрицательно помотал головой. В правой руке его был зловещего вида здоровенный пистолет.

«Так, — обреченно подумал я. — Приехали...»

Мне сразу же вспомнились две горящие машины, которые я видел по дороге домой. И я тут же понял, ЧТО именно потянуло меня к тем машинам.

Тогда, на улице, я еще не отдавал себе отчета, но подсознание (мать его!) четко успело зафиксировать несколько крупных отверстий на лобовом стекле одного из автомобилей. Большие такие отверстия, ветвящиеся по сторонам сетью трещин...

«Вот зар-р-раза, — подумал я. — Наверняка ведь какие-то бандитские разборки! И угораздило же меня в них впутаться...»

Звонок настойчиво повторился. А потом кто-то осторожно постучал в дверь.

Несмотря на волнение, идиотизм ситуации едва не заставил меня расхохотаться. Конечно, если на звонок не открывают, надо постучать. Здорово! Вот уж на стук-то им обязательно отопрут!..

Я посмотрел на дверь, и моя глупая улыбочка, уже готовая было вылезти на рожу, растаяла без следа. Потому что с дверью творилось что-то непонятное. Выглядело это так, словно кто-то пытается вдавить ее внутрь. Прошу заметить — дверь-то у меня хорошая, железная. Не фанера и уж тем более не листок бумаги. Но отчетливо было видно, как ее поверхность начинает прогибаться под напором неведомой силы с лестничной площадки. Послышался слабый шелест трескающейся краски, тоскливый, леденящий душу стон металла. С громким, заставившим сильно вздрогнуть звуком что-то лопнуло, между косяком и прогнувшейся дверью образовалась узенькая щель, в которую виднелось что-то непонятное, отвратительно-розоватое, настойчиво стремящееся пробраться сюда, в квартиру.

Я почувствовал, как на моей голове зашевелились волосы. Довольно часто я читал про то, как волосы на голове шевелятся от страха, но никогда не верил, что подобное действительно возможно. Особенно со мной — я ношу длинные патлы, стянутые на затылке в хвост. Не дань моде и не попытка повыпендриваться или создать себе какой-то особый имидж. Просто так меньше тратишь времени на стрижку. Умелые парикмахеры мне попадают нечасто (точнее сказать, никогда не попадают), а после стараний тех,

что попадают, я некоторое время чувствую себя не в своей тарелке. До тех пор, пока снова не обрасту. А потом — опять нужно стричься. Вот я и отпустил себе волосы ниже плеч — дешево и практично. И сейчас у меня возникло отчетливое ощущение, что голова моя начинает напоминать дикобраза в период гона.

И тут раненый гость сделал неожиданное движение всем телом, бросился вперед, упал на левую руку, издав при этом громкий и полный боли крик, и принялся стрелять.

Он стрелял в дверь, и в толстом металле возникали большие отверстия. словно кто-то пальцем протыкал тонко раскатанное тесто. Впрочем, слово «стрелял» не совсем точно передает происходившее — видно было, как палец человека раз за разом давит на спусковой крючок, но грохота выстрелов не прозвучало. Вместо них раздавалось какое-то тихое жужжание, негромкий хлопок и легкий гул воздуха, словно от кратковременного и сильного порыва ветра.

Дверь оглушительно лязгнула, выравниваясь, как будто сила, вдавливавшая ее внутрь, неожиданно исчезла. И с лестничной площадки донесся истошный вой. Это не было криком. Звук этот, на мой взгляд, вообще не имел ничего общего с человеческим существом. Так могло бы выть какое-нибудь большое и смертельно раненное животное. В течение трех-четырех секунд этот страшный и леденящий кровь звук набирал силу и вдруг неожиданно оборвался, сменившись оглушительной и звенящей в ушах тишиной. Только сейчас я заметил, что руки мои колотит крупная дрожь и лоб покрыт каплями холодного

★ — пота. Я торопливо вытер лицо. Ладонь оказалась мокрой. «И хорошо еще, что мокрой оказалась только ладонь, — подумал я, — а не мои штаны...»

★ — ГЛАВА 3

20 апреля, четверг, 01.15

Я глянул на гостя. Тот лежал лицом вниз и хрипло дышал. Пистолет валялся рядом — здоровенное диковинное оружие, блестящий металл, какие-то золотисто-желтые накладки. Толстый ствол был утыкан короткими цилиндрическими выступами. А на рукоятке торопливо моргал красный огонек. Я никогда не видел ничего подобного, даже в кино. Наверное, новейшие разработки, которые сейчас только у спецподразделений и у бандитов...

— Помоги... — глухо прохрипел гость.

— Сейчас, сейчас, — засуетился я, торопливо приседая на корточки и переворачивая его на спину.

Выглядел гость не лучшим образом. То есть он с самого начала не выглядел здоровяком, но сейчас лицо его посинело и на губах выступила кровавая пена. Дышал он тяжело, и при каждом вздохе в горле у него что-то страшно и противно булькало. Я потащил его в комнату и уложил на диван (черт с ним, с этим диваном!!! не лежать же человеку на полу!!!).

— Как тебя зовут? — еле слышно спросил гость.

— Леонид... Леня... А ты... этот... как тебя?

— Тейкан...

«Ну да, — мрачно подумал я. — Хрен запомнишь такое имечко... Может, действительно иностранец?»

Хотя по-русски говорит хорошо. Или не хорошо? Много ли разберешь, как он там говорит — в таком состоянии?! Не говорит даже, а так, хрипло стонет через силу...»

— Не бойся... ничего... порядок... — хрипел раненый, — я здесь... не войдут...

Я машинально кивнул и подумал, что какой уж тут порядок-то?! Подохнет сейчас этот... как его?.. Тейкан, кажется?.. А мне потом разбираться. И хорошо, если только с милицией, а то ведь и впрямь окажется он иностранцем...

— Ты где живешь? — осторожно поинтересовался я. — Здесь? В Виденьске?

Но раненый замолчал. Наверное, потерял сознание. Или просто не захотел отвечать.

Чего я сижую?! Врача нужно! Бандит он там или иностранный шпион — а врач ему сейчас нужнее всего. Конечно, «Скорая» так быстро не приедет, особенно в этот район. Но чем позже к ним позвонишь, тем позже они и заявятся. А мужик к тому времени может и концы отдать...

Я подскочил к столу, на котором стоял телефон, поднял трубку и с неприятным удивлением узнал, что аппарат не работает. М-да... Просто замечательно! Вот когда он не нужен, так он всегда работает. Причем попадают сюда исключительно по ошибке. А вот сейчас...

Я легонько постучал по аппарату, пытаюсь его образумить, зачем-то подул в трубку — бесполезно. Мертвая тишина. Интересно, на мобильнике у меня весь лимит исчерпан? Я попытался вспомнить, но так

и не смог. Кажется, нет, сегодня я от Ленки звонил в редакцию.

Я подошел к креслу, в котором валялась куртка, запустил руку во внутренний карман и нащупал мобильник. Но когда я извлек его на свет, то испытал горячее желание швырнуть им в стену. От злости. Потому что это был не мобильник, а пульт дистанционного управления от Ленкиного телевизора! Черт побери!!! Это ж надо, а?! Перепутал!!! Да и как тут было не перепутать-то?! Мы с ней, если сказать честно, более серьезными делами занимались...

И я, значит, когда уходил, впопыхах схватил со стола пульт...

«Хорошо хоть не калькулятор, — почему-то подумал я. — Хотя какая сейчас разница — пульт, калькулятор, мясорубка...»

Трубка моя, надо понимать, сейчас у Ленки дома, покачал я головой. А пульта у от ее «Панасоника» — у меня. Вот невезуха! Ленке-то что? Она телик и так переключить сможет. А вот мне как быть? По пульта теперь звонить, что ли?!

Да, конечно, завтра с утра я обязательно забегу к Ленке, извинюсь, пульт отдам, мобильник свой забегу... Если она, конечно, с балкона его не запульнула... Ленка девчонка вспыльчивая. После сегодняшнего скандала от нее всего можно ожидать...

Ладно, а что теперь делать-то?

— У тебя мобилы нет? — со слабой надеждой спросил я, поворачиваясь к раненому.

— Что? — переспросил тот слабым голосом.

— Мобильник! Телефон! Врача вызвать! — я уже начинал терять терпение.

— Не надо... — прошептал он. — Там... аптечка... должна быть...

Аптечка?! Я удивленно вскинул брови. Предусмотрительный, однако, мужик. Аптечку с собой таскает. На случай пулевого ранения. Только вот где она может быть? В пиджаке?..

Пиджак бесформенной окровавленной грудой валялся на пороге комнаты. Я присел возле него на корточки и осторожно, двумя пальцами, приподнял напитавшуюся кровью полу пиджака. М-да... Приятная перспектива — копать в липких от крови тряпках... А что делать?! Я пожал плечами и принялся рыться в карманах, совершенно уже наплевав на то, перемажусь опять или нет. В первое мгновение я испытал нечто вроде приступа брезгливости (странно, что только сейчас, а не раньше), но потом мне стало не до того. Потому что в карманах пиджака обнаружилось неожиданно много самых разных и необычных вещей. Хотя, по правде сказать, ничего скольнибудь отдаленно напоминающего «аптечку» там не оказалось.

— Нашел?.. — слабо спросил раненый.

— Нет тут ни фиги! — нервно заявил я. — Никакой аптечки!!!

— Должна быть... — убежденно заявил раненый. — Такая... с треугольником...

Я еще раз критически оглядел добытое из недр пиджака. То, что странный гость называл аптечкой, действительно имелось. Небольшая коробочка, размером с сигаретную пачку, на одной из сторон — треугольное углубление с зеленым стеклышком. Аптечка?! Хм?.. Ну, ладно, хрен с ней, пускай это и бу-

дет аптечка... Странная, надо сказать, у этого человека аптечка. И вообще — сам он тоже довольно странный...

— Держи. — Я подошел к раненому и вложил ему в руку коробочку, но мужик слабо помотал головой.

— Нет... не смогу... сам... приложи...

Я нахмурился. «Сейчас как приложу ее тебе, — мрачно подумал я. — Прямо по лбу...» Ну а если серьезно, то куда же ему ее, черт возьми, приложить-то?! Может, к ране?

Рана на груди гостя сделалась еще страшнее. Кожа вокруг нее стала уже не просто черной, а с таким мертвенно-зеленым оттенком, и от нее, словно щупальца, по всей груди змеились такие же черно-зеленые полосы. От хриплых вздохов края раны раздвигались, и между ними шевелились какие-то очень неприятные на вид черные пузырящиеся сгустки.

Я передернул плечами от отвращения и осторожно опустил коробочку прямо на окровавленную грудь. Коробочка мгновенно принялась тикать, словно бомба с часовым механизмом, и мне даже показалось, что она прямо сейчас взорвется. Я сразу вспомнил карикатуру из какого-то журнала, где на атомной подводной лодке в аптечке держали пистолет — чтобы долго не мучиться.

Треугольное окошечко из зеленого сделалось красным, коробочка звонко щелкнула, и раненый вскрикнул. Потом расслабился и часто-часто задышал. «Все, — подумал я. — Сейчас помрет...» Но произошло нечто совершенно противоположное. Гость и не подумал помирать, а совсем даже наоборот —

открыл глаза, и по выражению лица было понятно, что ему здорово полегчало.

— Хафт... — вдруг произнес раненый. — Если бы... не хафт... не так больно...

Я молча кивнул. Хрен его знает, чего этот мужик несет! Может, бредит? Полегчало ему — и ладно. Главное, чтоб не помер он тут.

— Они редко пользуются хафтом... — продолжал раненый. — Дорогой он... и опасный... а они трусливы... трусливые твари...

Он закрыл глаза и замолчал. Я обратил внимание, что дышать ему стало легче — грудь вздымалась уже гораздо ровнее, и не стало слышно этого жуткого булькающего хрипа.

Я осторожно отодвинул ногой в сторону весь хлам, что вывалил из карманов пиджака своего ночного гостя. «Странные вещи он с собой таскает, Тейкан этот, — подумал я. — Ну, пистолет, это-то еще ладно, это еще понять можно. Хотя что-то я никогда раньше таких пистолетов и не видел...» Коробочка с треугольным окошечком (она все еще лежала на груди Тейкана, но уже больше не тикала, и окошечко опять стало зеленым), которую он называет аптечкой, — тоже странная. Две одинаковые плоские флажки серого цвета; какой-то темно-синий, как показалось, кожаный футляр; небольшая веревочка (или проволока?), скрепляющая два маленьких черных шарика; крохотная коробочка, на которой был рисунок, чем-то напоминающий солнышко, как его обычно рисуют маленькие дети — кружочек с черточками-лучами. И две запасные обоймы для этого диковинного пистолета.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Глава 1	5
Глава 2.	13
Глава 3.	22
Глава 4.	35
Глава 5.	49
Глава 6.	59
Глава 7.	63
Глава 8.	69
Глава 9.	75
Глава 10.	83
Глава 11.	86
Глава 12.	92
Глава 13	103
Глава 14	110
Глава 15	120
Глава 16	126
Глава 17	134
Глава 18	141
Глава 19	145
Глава 20	155
Глава 21	159
Глава 22	166
Глава 23	172
Глава 24	179
Глава 25	185
Глава 26	190

Глава 27	195
Глава 28	198
Глава 29	201
Глава 30	207
Глава 31	216
Глава 32	221
Глава 33	233
Глава 34	240
Глава 35	245
Глава 36	253
Глава 37	258
Глава 38	263
Глава 39	267
Глава 40	271
Глава 41	283
Глава 42	292
Глава 43	298
Глава 44	305
Глава 45	312
Глава 46	318
Глава 47	328
Глава 48	334
Глава 49	344
Глава 50	352
Глава 51	359
Глава 52	369
Глава 53	376